

Достижения в психологии

И. А. Джидарьян

Психология
счастья
и оптимизма

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Инна Аршавировна Джидарьян
Психология счастья
и оптимизма
Серия «Достижения в психологии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9367542

*И. А. Джидарьян/Психология счастья и оптимизма.: Институт
психологии РАН; Москва; 2013*

ISBN 978-5-9270-0254-2

Аннотация

В книге собраны уникальные в плане содержания работы видного отечественного психолога И. А. Джидарьян, по профессиональным представлениям и складу научного мировоззрения принадлежащей к школе С. Л. Рубинштейна, традиции которой она развивает. Прекрасное владение методологией психологического исследования, глубокое знание философской традиции и современных работ по проблемам позитивной психологии, оригинальность мышления в сочетании с искренним сопереживанием человеку на его жизненном пути позволяет автору рассматривать темы, которые мало кто решается развивать в психологии: веры, надежды, любви, оптимизма и счастья.

Содержание

Предисловие	5
Часть I	12
Введение	12
Глава 1	27
Конец ознакомительного фрагмента.	53

И. А. Джидарьян
Психология счастья
и оптимизма

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2013

Предисловие

Закономерно, что эта книга выходит в издательской серии «Достижения в психологии». Появление работ Инны Аршавириной Джидарьян всегда ожидают с интересом все, кто хочет услышать новое слово об основных закономерностях психической жизни человека. Автор хорошо понимает, что каждый человек хочет счастья, а в трудных обстоятельствах ему помогают вера, надежда и любовь...

Есть такие основополагающие психические явления и понятия, рассмотрение которых под силу не каждому исследователю. Для этого нужно обладать глубокой гуманитарной культурой, знанием философии и методологии, обширными познаниями в области современной психологической науки, ее методов и новых направлений. Уникальность И. А. Джидарьян как исследователя и как автора состоит в редком синтезе глубокого ума и искреннего чувства, на что читатель всегда откликается.

И. А. Джидарьян было выполнено достаточное число работ более чем за полувековую научную деятельность в институтах Академии наук. Сначала это была аспирантура Института философии АН СССР в секторе, основанном С. Л. Рубинштейном. Затем талантливая аспирантка успешно защитила кандидатскую диссертацию, стала сотрудницей, а в 1972 г. перешла вместе с коллективом сектора философских проблем психологии во вновь организованный Институт психологии АН СССР (ныне – ИП РАН), где раскрылись

ее дарования. В 1976 г. в издательстве «Наука» вышла в свет первая монография И. А. Джидарьян «Эстетическая потребность», не потерявшая своего научного значения и сегодня. В сборниках научных трудов и «Психологическом журнале» регулярно публиковались ее статьи, а в 2001 г. издательство «Алетейя» выпустило в свет первую в российской психологии книгу о счастье. Это была вторая монография И. А. Джидарьян «Представление о счастье в российском менталитете». К настоящему времени книга стала библиографической редкостью. И именно текстом этой работы о счастье (в новой редакции) открывается настоящая книга.

Плодотворными для Инны Аршавириной оказались 2008–2012 гг., когда одна за другой в разных изданиях выходят ее статьи, посвященные животрепещущим вопросам современной жизни – оптимизму и пессимизму. Автором впервые показан сложный и неоднозначный характер взаимоотношения этих феноменов и понятий. Прослеживаются также глубинные связи позитивной психологии с идеями, высказанными известными отечественными учеными – С. Л. Рубинштейном и Б. Г. Ананьевым. Подборка этих публикаций составила вторую часть настоящей книги.

И. А. Джидарьян во многом открыла для российских специалистов и широкого круга читателей развиваемую в западном гуманистическом направлении «позитивную психологию», внесла существенный вклад в ее разработку, обогатив своими уникальными исследованиями, обращением к

классической русской литературе, к отечественной и мировой гуманитарной мысли, создав свой оригинальный стиль изложения.

Достижения современной позитивной психологии непосредственно связаны с именем И. А. Джидарьян. Ею выполнен сопоставительный анализ позитивной психологии в контексте истории отечественной научной мысли. В частности, одна из глав данной книги посвящена анализу наследия С. Л. Рубинштейна, в таком ключе еще никем не рассматриваемого. А в главе, посвященной научным представлениям Б. Г. Ананьева о человеке, автор говорит о приоритете и своеобразии отечественной гуманитарной мысли в обосновании гуманистического подхода к человеку. Есть также глава, посвященная основаниям и перспективам развития самой позитивной психологии. Уникальным, с нашей точки зрения, является материал, который открывает вторую часть книги. *Так* о вере, надежде и любви не удавалось еще говорить никому в психологической науке, а сама идея их «триединства» является перспективной для разработки.

Настоящее издание позволяет представить достаточно полную картину работ И. А. Джидарьян, выполненных в период с 2001 по 2012-е годы. Кроме упомянутого выше монографического исследования «Представление о счастье в российском менталитете» (2001), это статьи И. А. Джидарьян, опубликованные в 2008–2012 гг. (в сборниках Института психологии РАН): «Оптимистические основания ве-

ры, надежды и любви» (2011); «Современные тенденции в психологических исследованиях оптимизма» (2012); «Философская концепция С. Л. Рубинштейна в контексте гуманистической и позитивной психологии» (2011); «Гуманистический смысл идеи Б. Г. Ананьева о системном человекознании» (2008).

Таким образом, по содержанию книги можно составить впечатление о научных изысканиях И. А. Джидарьян в области психологии личности, относящихся к новому веку и тысячелетию. Та научная традиция, которую она представляет, благодаря ее усилиям передается от одного исторического времени к другому, позволяя заполнить некоторые «пустоты», образовавшиеся в отечественной психологии из-за кризиса идеологии и методологии 1990-х годов. На страницах книги читатель встретит имена и ссылки на произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, почти забытых, но замечательных поэтов и писателей советского периода, прекрасных философов прошлого и современности, а также глубокий анализ отечественной и западной психологической мысли.

Мы надеемся, что молодых ученых может вдохновить проложенный И. А. Джидарьян путь к эмпирическому исследованию представлений о счастье, а также к включению в свои концепции важнейших феноменов человеческой жизни – веры, надежды, любви, счастья, совести, доброты и чести.

Член-корреспондент РАН А. Л. Журавлев

Профессор, доктор психологических наук М. И. Воловикова

Часть I

Представление о счастье в российском менталитете

Введение

Цель настоящей работы не в том, чтобы представить очередную трактат с очередными пространными рассуждениями о счастье, которых в мировой науке более чем достаточно. Это и не попытка предложить новый подход или новое понимание природы этого удивительного и парадоксального по своим проявлениям феномена человеческой жизни, в которых тоже нет недостатка. Не стояла перед нами в качестве специальной задачи и проблема систематизации и обобщения накопленных в мировой науке знаний, как и содержательного анализа различных подходов и концепций счастья, хотя по мере необходимости и по конкретным вопросам такой анализ частично проводился.

Наконец, монография не содержит и каких-либо конкретных «технологий» и «рецептов» по овладению «секретами» счастливой жизни, не дает практических рекомендаций и многообещающих советов, как обрести счастье. Это отдельная и специальная тема, которая выходит за рамки профес-

сиональной компетенции автора и задач книги. По этим вопросам существует специальная психотерапевтическая литература, к которой каждый читатель при желании может обратиться самостоятельно. Мы же, со своей стороны, хотели бы в этой связи напомнить миниатюрную юмореску А. П. Чехова «Жизнь прекрасна! (покушающимся на самоубийство)» и в качестве первого шага прислушаться к содержащимся там советам. Как бы иронизируя над желаниями людей иметь «счастье без перерыва, даже в минуты скорби и печали» (Чехов, 1983, с. 235), писатель в присущей ему юмористичеки-насмешливой манере называет два простых житейских правила, соблюдая которые можно находится всегда в счастливом расположении духа. И в этом юморе, как всегда, содержится большая доля правды.

В соответствии с заявленной темой перед автором стояла другая принципиальная задача – взглянуть на проблему счастья через призму российской ментальности, попытаться раскрыть русскую «бытийность» счастья в связи с духовными традициями и национально-психологическими особенностями русского народа, самобытности его судьбы и исторического существования в мире. При этом мы исходили из идеи о том, что счастье как феномен культуры и выразитель состояния народного духа, напрямую связанный с миром ценностных отношений и приоритетов, верований, представлений народа о высшем и желанном, а также со сложившимся особым типом умонастроения и восприятия ми-

ра и т. д., является важнейшей составляющей, необходимым компонентом структуры любого менталитета, тем более российского.

Подобная «менталистская» ориентация нашего исследования не является, конечно, случайной. Но было бы неверно видеть в ней одно лишь желание следовать модному в последние годы направлению отечественной общественной мысли и связанной с ним проблематике. Для нас этот выбор имеет более глубокие основания: он определен внутренней логикой собственных теоретико-эмпирических исследований, проведенных за последние годы, а также гражданской позицией автора, его глубокой озабоченностью драматической ситуацией, в которой оказались сегодня и российское общество в целом, и российский менталитет с его представлениями о человеческих ценностях вообще и счастье в частности.

Драматизм ситуации заключается в том, что некогда абстрактное и, казалось, далекое от страны и ее народа понятие «кризиса» неожиданно и сразу стало реальностью нашей жизни, травмирующим фактором для миллионов российских граждан. Причем сам кризис приобрел сегодня в масштабах страны системный и непрерывно углубляющийся характер, так что речь, по существу, идет уже, по авторитетному мнению некоторых наших известных социологов, не просто о кризисе, а о «социальной деградации российского общества» (Руткевич, 1998, с. 3).

Сегодня совершенно очевидно, что развал социалистической системы и великого союзного государства под общие разговоры о перестройке и рыночных реформах, помимо экономической разрухи и полной финансовой зависимости от развитых стран Запада и международных валютных фондов, грозит народу еще и потерей его духовной «безопасности», утратой ценностных и культурогенных потенциалов, угасанием самосознания. Очередная утопия осчастливить в ближайшие годы Россию капиталистическим благодеянием, неким потребительским «раем» на деле обернулась для большинства людей не только полуничим существованием, но и упадком нравственных сил, внутренним ожесточением, безысходностью, при которых начинают распадаться и традиционная русская всеотзывчивость, доброжелательность, сострадательность и другие привлекательные качества. Подобно «шагреновой коже» из романа О. Бальзака, все больше сжимается то необходимое пространство жизни, которое обычно поддерживает веру и оптимизм в людях, без которых русский человек, если прислушаться к мнению Ф. Достоевского, – «дрянь».

Драматический характер современного российского кризиса, особенно духовного, не может не вызывать у многих наших соотечественников чувства крайней обеспокоенности и тревоги, желание что-то предпринять, как-то отреагировать, наконец, воспротивиться – и не только криком души и болью в сердце, но и делом, словом, поступком, печатным издани-

ем, научным аргументом, жизненным актом и т. д. — всем тем деструктивным процессам и силам, которые неумолимо разрушают исторический потенциал страны, делают проблематичной саму возможность ее достойного существования и развития как великого государства. Этим чувством руководствовались и мы при написании данной книги, отстаивая духовный «суверенитет» и «самобытный лик» (И. А. Ильин) русского народа, сознавая губительное для его менталитета сползание страны в болото потребительского самодовольства, циничного эгоизма и опустошительной вседозволенности.

На конкретной проблематике счастья мы пытаемся, в частности, противопоставить различным прагматично-рыночным, духовно-приниженным моделям «счастья» подлинные ценности человеческой жизни, заложенные в архетипе русского сознания и выражающие наиболее важные черты национального характера русских. Сформированные тысячелетним историческим опытом народа, проявленные в трудах и жертвах многих поколений людей, они несут в себе необходимую для «самостоянья» (А. С. Пушкин) человека нравственно укрепляющую силу, направленную вверх, а не вниз — в духовные пустоты и темные расщелины бытия.

В новой системе ценностей, которая изначально была заложена в курсе реформ и которая под давлением официальной пропаганды и средств массовой информации все глубже проникает в сознание и сферу взаимоотношений людей,

счастье начинает восприниматься, прежде всего, как удача, успех, обладание, где все в конечном счете решают деньги. Например, исконно русскому представлению о том, что «не в деньгах счастье» уже найден и широко противопоставляется другой, альтернативный вариант – «не в деньгах счастье, а в их количестве». Современным «любителям» и «идеологам» больших денег, как и их «счастливым» обладателям за счет различных способов «отъема» у других, будет бесполезно напомнить, что деньги на Руси не только никогда не абсолютизировались, а напротив, вызывали в народе недоверие, чувство тревоги и опасности, ибо это «от чёрта, это болото, а там кикиморы живут» (А. М. Панченко).

С незапамятных времен уверовал русский человек – и без всякого чудачества, имея на это веские основания, – в греховную, нечистую силу денег, особенно больших денег. И это убеждение нашло отражение в народном фольклоре, во многих национальных обычаях, приметах, обрядах и т. д. Об одном из них – «чертогоне» (буквально: «изгнание беса»), ныне уже практически забытом, но в свое время очень почитаемом в среде московского денежного купечества, напоминает нам одноименный рассказ писателя Н. С. Лескова. Глубокий знаток исконно русских нравов, в особенности московской старины, он с большим мастерством и знанием дела рассказывает о многих из них в своих произведениях, в частности, в «Чертогоне». О настороженном отношении на Руси к деньгам как к чему-то опасному и недоброму свиде-

тelleствует также одна давняя и практически уже забытая народная примета, согласно которой нахождение клада считалось дурным знаком, предвестником беды и несчастий. Причем, чем весомее был сам клад, тем опаснее и страшнее казалось будущее его нашедшему. Нелишне в этой связи напомнить и о глубоком убеждении нашего национального и всемирно признанного авторитета, человека мудрых мыслей и большого жизненного опыта, писателя Л. Н. Толстого, что богатство не может быть праведным. Такого же мнения придерживался и А. П. Чехов (1987, с. 38).

Конечно, менталитет русского народа, как, впрочем, и многих других европейских народов, формировался под влиянием евангельской притчи о том, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай. Но нигде, пожалуй, отношение к богатству и связанному с ним накопительству и ростовщичеству как к несправедливому делу не приобрело характера такой искренней и непоколебимой веры, не укоренилось так прочно в глубинах сознания, как у нашего народа. «Я так понимаю, – говорит один из героев А. П. Чехова, – ежели какой простой человек или господин берет даже самый малый процент, тот уже есть злодей. В таком человеке не может правда существовать» (Чехов, 1985в, с. 215).

Об устойчивости этого стереотипа в национальном самосознании русских свидетельствуют и современные представления россиян о богатстве и его приобретении, содержание

которых принципиально не изменились за последнее десятилетие проводимых в стране разрушительных реформ. Исследования показывают, что лишь меньшинство наших граждан, как это и ни парадоксально на первый взгляд, хотели бы оказаться на месте самых богатых людей России. По-видимому, это связано с тем, что значительная их часть убеждена в том, что в нынешней России люди становятся богатыми исключительно за счет «воровства, разграбления страны» (41 %), а также «злоупотребления своим служебным положением, взяток, коррупции» (40 %) или «жульничества, обмана других» (39 %) и другими нечестными путями. Одновременно с представлениями о несправедности богатства российское сознание по-прежнему отвергает веру в возможность существования «трудолюбивых, талантливых и удачливых» богачей. Способных в это поверить среди опрошенных оказалось только 9 % (Бетанели, 1997).

Наряду с культом денег и поклонения «золотому тельцу» сегодня в российское сознание активно внедряется еще один, не менее сомнительный, а по сути хищнический и весьма агрессивный принцип счастья – «Бери от жизни все», «Лови момент», «Не упusti свой шанс», «Сорви удачу» и т. д. С экранов телевизора не сходят рекламные ролики с примитивными сюжетами и представлениями о счастье. Например, симпатичные, сияющие от блаженства молодые люди уверяют нас: «Когда я жую жвачку, моя душа поет» или «Окна Бамо. Счастье – вот оно!» и т. д.

Одновременно с рекламированием такого «хватательно-го» и «жвачно-рамочного» счастья всех нас пытаются убедить в том, что быть счастливым или несчастным — это наша частная и сугубо личная проблема и что ни общество в целом, ни новые порядки и условия жизни, ни тем более власть, ответственная за эти самые порядки и условия, не причастны ко всем нашим бедам, сломанным судьбам, душевным изломам. За невероятно короткий срок произошло беспрецедентное и чрезвычайно опасное по своим последствиям для целостности национального самосознания и чувства идентичности россиян разделение общества на малочисленное «мы» — политическая и денежная верхушка, быстро почувствовавшая себя чем-то вроде «элиты», «хозяев» и новых «властителей» жизни — и «они», включающих все остальное многомиллионное население страны или народ в целом.

В положении русского народа, который на протяжении всей истории государства российского по праву считался героическим и великим, за последние годы произошли такие социальные изменения, которые сделали возможным говорить о нем, особенно о старшем поколении, в оскорбительном тоне, используя обидные и некорректные слова и выражения: «быдло», «придурки», «красно-коричневые», «коммуняги», «коричневая харя» и др. Причем все это произносится публично, с нескрываемым озлоблением и, что особенно прискорбно, не рядовыми гражданами, а некоторыми

известными политиками, должностными лицами, журналистами, представителями художественной интеллигенции.

В этой связи нельзя обойти молчанием поразившее нас своим откровенным цинизмом заявление одного из первых вице-премьеров в одном из бывших правительств эпохи ельцинских «реформ» о том, что «этот многострадальный народ сам виноват в своих страданиях».

Нет смысла комментировать это весьма примечательное для идеологов и сторонников проводимого в стране курса прозападных рыночных реформ высказывание высшего должностного лица, ответственного как раз за ту самую «шоковую терапию», за ту хитроумную ваучеризацию и приватизацию государственной, всенародной собственности, в результате которых большинство населения страны, ее народ, создатель этой собственности и ее истинный хозяин, оказался за чертой бедности, на грани выживания. Вместо комментария мы хотели бы привести весьма поучительные для современных отечественных политиков слова нашего известного писателя Н. С. Лескова, сказанные им более ста лет тому назад и весьма актуальные сегодня: «Понимать свое время и уметь действовать в нем сообразно лучшим его запросам – это не значит раболепствовать воле масс; нет, это значит только чувствовать потребность „одной с ним жизнью дышать и внимать их сердец трепетанью“» (Лесков, 1957, с. 439).

Именно так, как говорил Н. С. Лесков, – трепетно и в

унисон с народом – билось всегда сердце русской поэзии, представленной самыми достойнейшими и яркими представителями, для которых «доля народа, счастье его» были, как для Н. Некрасова, превыше всего другого. По контрасту с приведенными выше циничными словами нашего недавнего первого вице-премьера, по-прежнему мелькающего на экранах ТВ и делающего очередные похожие заявления, невольно вспоминаются проникновенные по душевности и по теплоте выраженного в них чувства любви к родной стране – России следующие строки К. Бальмонта:

Страна великая, несчастная, родная, которую, как мать, жалею и люблю!

И еще:

...И сколько бы пространств – какая бы стихия
Ни развернулась мне, в огне или в воде, —
Плывя, я возглашу единый клич: «Россия!»
Горя, я пропою: «Люблю тебя – везде!»

(Бальмонт, 1980, с. 309–310)

В этих строчках поэта, близких знаменитым блоковским – «О, Русь моя, жена моя, до боли...» – обнажен глубинный нерв русской поэзии, как и всей культуры в целом. В них нет не только какой-либо нотки противопоставления себя народу, тем более позиции превосходства и высокомерия, но и нейтральности, благодушия, а есть естественный порыв лю-

бящего сердца навстречу человеческому горю простых людей, есть чувство единения с народом в его страданиях, есть одна общая боль и крест, выпавший на его долю.

«Старая русская интеллигенция, как бы, не в пример нынешней, – писал несколько десятилетий тому назад Г. П. Федотов, – была исполнена сознанием своей миссии и своей выделенности из толпы. Выделенности не для привилегий, а для страданий и борьбы» (Федотов, 1992, с. 221). И далее он высказывает проникновенные слова о том, что достоинство интеллигенции – не в противопоставлении ее народу и что она должна по-прежнему склоняться перед нищим и страдальцем. Этой духовной российской традиции надлежало бы следовать всем тем, кто причисляет себя и сегодня – вольно или невольно, заслуженно или незаслуженно, скрытно или явно – к элите общества, считает себя представителем интеллигенции.

Трудное историческое время, которое переживает сегодня российское общество, тревожные размышления и чувства, которые вызывает оно у многих наших соотечественников, невольно воскрешают в памяти один удивительно объемный образ из повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Это художественное описание «раздавленного репья среди вспаханного поля» и выброшенного на обочину дороги его ярко распустившегося цветка. Этот символический образ служит, как известно, началом для всего дальнейшего изложения писателем одной давней кавказской истории со смертью глав-

ного героя, которая вспомнилась ему по ассоциации с погубленным цветком репейника: он, такой прекрасный в своем естестве, на родном кустарнике и такой весь жухлый, аляповатый, сразу увядший, как только его от стебля отодрали. Повесть «Хаджи-Мурат» создавалась в один из сложных периодов российской истории, связанный с поражением в Крымско-турецкой войне. И, возможно, пораженческие настроения, охватившие тогда передовую русскую общественность, уязвленное чувство национального достоинства и общая подавленность, вызвали в творческом сознании писателя этот емкий, многозначительный образ цветка-репейника, который представляется таким созвучным сегодняшнему состоянию и мироощущению российского общества.

Созданный нашим великим соотечественником более века тому назад, этот емкий художественный образ таит в себе и некий пророческий смысл, который легко улавливается читателем в следующих заключительных строчках писателя: «Когда я наконец, оторвал цветок, стебель уже был весь в лохмотьях, да и цветок уже не казался так свеж и красив. Кроме того, он по своей грубости и аляповатости не подходил к нежным цветам букета. Я пожалел, что напрасно погубил цветок, который был хорош в своем месте, и бросил его. «Какая, однако, энергия и сила жизни – подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок. – Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь» (Толстой, 1956, с. 22).

Не так ли сегодня и с нами? Удастся ли нам как стране, как единому и великому народу удержаться на родной почве и на собственном «стебле», отстоять национальное достоинство и право самим определять свою судьбу и направление исторического развития? Хватит ли внутренних сил и воли сохранить свою самобытность, противостоять агрессивному натиску заокеанской ментальности и не раствориться, не исчезнуть в ее пучинах? Не сотрется ли из исторической памяти народа его уникальный духовный опыт, созданный и завещанный нам предшествующими поколениями русских людей со всеми своими национальными особенностями и культурными традициями, характерными нравами, святынями и ценностными ориентирами? Или, подобно цветку репейника из повести Л. Н. Толстого, сорванному и выброшенному на край пыльной дороги, также окажемся на обочине мировой истории?

Конечно, никто ответов на все эти вопросы с достоверностью сегодня не знает. И загадывать тоже нет смысла. Россия – единственная страна, у которой, по общему признанию, не только будущее, но даже и прошлое непредсказуемо. Однако утешает и обнадеживает сознание того, что в самые разные и не менее трудные для страны и народа исторические времена лучшие и авторитетные люди России всегда верили, продолжая верить и сейчас, несмотря на очень трудное время, в неминуемое прозрение и новое возрождение своего отечества. И, как теперь мы об этом достоверно знаем, ни разу не

обманулись в своих оптимистических ожиданиях, поскольку после тяжелых испытаний и потрясений, как писал И. А. Ильин на основе своего исторического анализа, народ с тысячелетним прошлым отвечает «возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своего духовного акта, новым расцветом своих сил» (Ильин, 1992, с. 93).

Поэтому в завершение этой вводной части, в которой читатель не мог, конечно, не уловить чувства тревоги и настояренности в отношении современного состояния страны и развития ее духовного потенциала, было бы самым правильным с нашей стороны присоединиться к трезво оптимистическому ответу известного русского мыслителя Г. П. Федотова на свой же собственный вопрос, волновавший его в годы вынужденной эмиграции. Будучи глубоко озабоченным судьбой большевистской России, он писал: «На вопрос, поставленный в заглавии настоящей статьи „Будет ли существовать Россия?“, я не могу ответить простым успокоительным: „Будет!“. Я отвечаю: „Это зависит от нас. Буди! Буди!“» (Федотов, 1992, с. 184).

Глава 1

Счастье в представлениях и образах русского самосознания (историко- культурологический аспект)

О счастье писали всегда, писали люди разных поколений, во всех странах и культурах, пытаясь ответить на вопросы о том, что такое счастье и что делает людей счастливыми или несчастными в их жизни. Это один из тех вечных вопросов человечества, в отношении которых свои мысли высказывали не только философы и ученые, но и писатели и художники, деятели культуры и религии, известные политики и публицисты; вопросы счастья как вопросы о самом сокровенном и желаемом находили широкое отражение и в народном творчестве – в сказках и легендах, в многочисленных поговорках и пословицах, афоризмах и изречениях.

Несмотря на обширную и разноплановую литературу о счастье, созданную за долгую историю человеческих исканий истины и стремления к счастью, на многие поставленные вопросы и сегодня нет удовлетворительных ответов. Л. Н. Толстой был во многом прав, когда писал о тщетности наших усилий отвечать на вопросы, данные человеку «только для того, чтобы они вечно оставались вопросами». И хотя многие вопросы, считал он, будут «вечно» стоять перед че-

ловечеством, человечество вряд ли когда-нибудь откажется от попыток искать и находить на них ответы (Толстой, 1960, с. 96). И действительно, каждое новое поколение людей заново ставит и решает для себя проблему счастья, соглашаясь или не соглашаясь и даже отвергая многое из того, что утверждали и говорили их предшественники.

В истории науки были предложены сотни определений счастья, выдвинуто множество теоретических подходов и концепций. Как отмечает в своем эссе о счастливой жизни Роберт Шпеман, еще римский философ Варрон (116–37 г. до н. э.), а вслед за ним и Августин Блаженный (354–430 г. до н. э.) «насчитали не более, не менее, как двести восемьдесят девять различных точек зрения на счастье» (цит. по: Вацлавик, 1960, с. 8). Однако ни одно из них не закрепилось в науке, не стало общепринятым.

При научном изучении проблемы счастья сразу же обращает на себя внимание не столько то, как много сказано и написано на эту тему, сколько то, что сказано и написано так много противоречивого и даже прямо противоположного¹.

---

¹ Приведем для примера наиболее выразительные по своей противоречивости суждения и высказывания разных авторов: «Счастье не в нас и не внутри нас» (Б. Паскаль); «Можно познать счастье, не будучи счастливым» (Ф. Вольтер); «Несчастнее всех счастливы» (Сенека); «Счастье не нужно» (Г. Флобер); «Только желание быть счастливым нужно» (Н. Г. Чернышевский); «Счастлив тот, кто не знает об этом (Р. Товарнер); «Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив» (Ф. М. Достоевский); «Удовольствие не есть благо» (Н. Мальбранш); – «Удовольствие – высшее благо» (Эпикур); «Счастье – это борьба» (К. Маркс); «Счастье – это покой» (О. Шпенглер) и т. д.

Противоречивость взглядов и чрезмерный субъективизм в оценках и суждениях о счастье нередко порождали скептицизм в отношении возможностей его объективного, строго научного исследования (Бердяев, 1990а, с. 62). Многие из этих возражений и замечаний действительно имеют под собой реальные основания, поскольку сама природа счастья и его достижения весьма относительны, субъективны и глубоко индивидуальны. Не зря в народе говорится, что «на счастье нет закона» (русская пословица).

Тем не менее вопросы счастья как вопросы о самом заветном и желаемом находили широкое отражение не только в народном творчестве (в сказках, былинах и легендах, поговорках и пословицах, песнях и сказаниях и т. д.), не только в художественной литературе и поэзии, в афоризмах и высказываниях многих известных мыслителей и публицистов, но они никогда не переставали быть предметом научных изысканий и специальных исследований, попыток дать четкие, точно сформулированные положения, отвечающие требованиям и критериям научности. Сошлемся, в частности, на совсем близкий нам по времени пример – попытки академика Л. Ландау уточнить проблему счастья с позиций научного опыта и математической строгости. Ученый искренне сожалел о том, что не успел реализовать до конца свою главную идею – как следует жить, чтобы быть счастливым (Ливанова, 1983, с.215).

Особенно заметно возросли научные позиции и статус

этой проблемы со второй половины 1960-х годов, когда в западной, прежде всего, американской науке стали активно проводиться социально-психологические, в том числе и экспериментальные исследования различных аспектов счастья и удовлетворенности жизнью. В отличие от большинства работ предшествующих лет, содержащих преимущественно теоретические рассуждения о том, что есть счастье и как его достигнуть, в этих эмпирических исследованиях акцент был сделан на психодиагностику и измерение счастья и удовлетворенности жизнью и на выявление их корреляций с другими характеристиками и параметрами личности.

В результате исследований, многие из которых проводились по международным научным проектам, удалось получить достаточно большой массив конкретно-научных данных, позволивший увидеть не только общие тенденции и закономерности, но и некоторые особенности их проявления в разных странах, у разных народов и в разных культурах.

К сожалению, наша страна не принимала участия во многих таких проектах, связанных с проблематикой счастья и жизненного благополучия людей, практически не было и своих собственных исследований по этой тематике, в то время как во многих западных странах они уже давно и успешно проводились. Основная причина традиционных замалчиваний или «невнимания» советской науки к определенным проблемам или даже целым направлениям исследований хорошо известна – они не укладывались в четко выстроенную

в те годы систему идеологических и пропагандистских установок. И действительно, уже сама постановка вопроса о том, в какой мере счастливы или несчастливы люди в обществе победившего социализма, должна была показаться неправомерной с позиций этих установок, не говоря уже о перспективе получить негативные результаты на основе конкретных, социально-психологических исследований.

Ограниченность эмпирической базы для прямого сопоставительного анализа современных менталитетов наших народов по данному параметру сделала необходимым расширить рамки данного исследования и рассмотреть проблему счастья в аспекте русской культуры в целом в связи с духовными традициями и национально-психологическими особенностями русского народа, самобытности его судьбы и исторического существования в мире. Тем самым и общая стратегия такого исследования становится ориентированной уже не на поиски того, что отличает русский народ от других народов и как бы демонстрирует его «инаковость» (это лишь вторая, как бы «побочная», но не определяющая задача), а на выявление того, что является для него особенно характерным, наиболее типичным и глубоко укорененным, а следовательно, и национально-индивидуальным в вопросах счастья. Такая стратегия позволяет увидеть общечеловеческое не столько через призму отдельных различий, сколько через богатство его конкретных национальных форм, возвышающихся до общечеловеческих значений.

Такая постановка вопроса отвечает традициям русской философской мысли, для которой тема «русскости» – это не тема исключительности, особого предназначения или избранности русского народа, а тема его самобытности, исторических корней и духовных оснований развития. В более общем философском плане это проблема соотношения категорий всеобщего и особенного, т. е. национального во всечеловеческом и всечеловеческого в индивидуальных формах национального. Как справедливо подчеркивал в своих работах Н. Бердяев, а еще раньше В. Г. Белинский, развитие и обогащение всечеловеческого достигается через глубину и богатство национальных индивидуальностей и культур, как и наоборот. Другого исторического пути их развития нет и быть не может (Бердяев, 1990б, с. 94; Белинский, 1953, с. 45).

Как известно, в российской истории тема национального самосознания и исторической судьбы народа возникала не раз, обостряясь в переломные эпохи социальных преобразований и общественных потрясений, глубоких реформирований и водоворотов. Одна из опасностей таких периодов, не без оснований считал Н. О. Лосский, состоит в том, что тяжелые годы внешних и внутренних потрясений истощают силы народа и, как бы ни был могуч его национальный характер, и у него «в такие периоды может развиться недоверие к себе и опасная подражательность» (Лосский, 1991, с. 324). Сегодня российское общество вновь переживает тяже-

льный период своего развития: оно поражено глубоким экономическим и нравственным кризисом; оно на распутье, растеряно. Никто не знает ни точных рецептов, ни четких ориентиров, ни своего будущего, но уже, к сожалению, вместо переосмысления и критического использования своего собственного развития снова перечеркивается и обесценивается многое из того, что было нашим недавним прошлым, определяло наши идеалы, ценности, святыни и стало достоянием духовного опыта и исторических переживаний народа. И будто о нас, обратившихся за национальным спасением к ценностям капиталистического Запада, думал много десятилетий тому назад известный мыслитель и патриот России И. А. Ильин, когда писал из капиталистического зарубежья: «Так не будем же отрекаться от наших сокровищ и не будем искать спасения в механической пустоте „американизма“» (цит. по: Георгиева, 1998, с. 416).

В условиях новых реформ с их четко выраженным поворотом в сторону ценностей западного образа жизни и торгово-рыночных отношений в общественной жизни, когда средствами массовой информации угрожающими темпами идет «вестернизация» отечественной культуры, закономерным представляется интерес многих наших ученых к проблеме российского менталитета, истории русской культуры, традиционным национальным ценностям, многовековому духовно-нравственному опыту народа (см.: Георгиева, 1998; Клибанов, 1994; Лотман, 1994; Ментальность россиян,

1997; Российская ментальность..., 1994; Российский менталитет..., 1996; Россия и Европа, 1992; Русские, 1997).

В русле этого интереса задумана и написана настоящая книга, в которой сделана попытка рассмотреть проблему счастья в контексте и на основе российского менталитета.

Анализируя проблему счастья в ее русско-национальных проявлениях, мы опирались на самые различные источники, использовали не только специальные научные работы и результаты конкретных эмпирических исследований, но и произведения русской художественной литературы и поэзии, включая народное творчество, высказывания наших известных мыслителей, деятелей искусства и литературы.

* * *

Традиционная для русского сознания моральность с ее многосторонними и многотрудными поисками абсолютного добра и духовного смысла во всем, что затрагивает основы бытия и человеческого существования в мире, в полной мере обнаруживает себя и в отношении счастья-несчастья. Однако проблема для нас не просто в наличии этой моральной доминанты, в преобладании духовно-нравственной точки зрения над всеми другими в представлениях и рассуждениях о счастье, а в содержательных характеристиках самой нравственности, в раскрытии ее российской ментальности.

Известно, что нравственная проблематика счастья в раз-

личных своих аспектах возникла и активно разрабатывалась еще в древнегреческой философии (Платон, Сенека, стоики и др.). Однако ее дальнейшее развитие, а также возможность огромного влияния на культуру и сознание европейских народов оказались непосредственно связанными с христианским вероучением. «Благословенны плачущие» – один из лейтмотивов Евангелия от Матфея, согласно которому счастье является сверхъестественным даром, заслугой за нравственные добродетели, прежде всего, за терпение и кротость в борьбе с трудностями, за честность и справедливость, за лишения и страдания в земной жизни. С распространением религиозного сознания в этической проблематике счастья усиливалась тема аскезы, страдания, отказа от искушений и чувственных удовольствий.

Особенно сильным на формирование национального самосознания и характера русского народа, на его культуру, на весь нравственно-духовный облик было влияние православного христианства – и для этого были свои причины, о которых речь пойдет ниже. На протяжении тысячелетней российской истории православная идеология органично переплелась с традициями, верованиями, устроением и мировосприятием народа, и это дает основание говорить многим авторам не просто о русском, а о русско-православном менталитете (В поиске социальной парадигмы..., 1995, с. 65). По крайней мере, не вызывает сомнений огромная роль православия в формировании той системы представлений и чув-

ствований русского народа, которые определили его жизненную философию счастья.

В рамках этой системы представлений о счастье – как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд – важнейшее значение принадлежит мотиву страдания как той структуры сознания, которая несет в себе основной духовный, нравственно-очищающий и искупительный смысл. Счастье воспринимается не само по себе, не как отдельный и самодостаточный факт или сторона жизни, не как единственная, конечная цель действий, а в соотношении и через призму альтернативных форм – страдания и несчастья. Более того, все возможные радостно-счастливые состояния земной человеческой жизни как бы отодвигаются на вторые позиции, уступая первенство в этой цепочке понятий несчастью и связанным с ним переживаниям. Именно такая последовательность и соотношение между счастьем и несчастьем просматриваются в большинстве русских народных пословиц и поговорок. Например: «Бояться несчастья – и счастья не видеть», «Не бывать бы счастью, да несчастье помогло», «Кто нужды не ведал, и счастья не знает», «Где горе, там и радость» и др.

Общеизвестно, что народы мира во все исторические времена выражали свои чувства и мысли, мироощущение и надежды через многие и самые разные виды художественного творчества. Для русского народа наиболее традиционной формой такого самовыражения стала песня. Именно русская

народная песня, в основе своей печальная и жалобливая, пронизанная «тоскою-кручиною, великой печалию» (Берестов, 1989, с. 188), была мощным источником чувств, важнейшим энергетическим зарядом для творчества практически всех крупных представителей отечественной литературы и поэзии. А. С. Пушкин, изучая народные песни и отмечая их огромное влияние на всю свою поэзию, писал: «Вообще несчастье жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание – или жалоба красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене» (*Пушкин А. С. Мысли на дороге, IV, Черная Грязь*).

Позже о том же самом, но в более широком контексте А. Н. Апухтин скажет:

Не могучий дар природы,
Не монахи-мудрецы,
Создавали вас невзгоды
Да безвестные певцы...

И как много в этих звуках
Непонятого слилось!
Что за удаль в самих муках,
Сколько в смехе тайных слез!..

Годы идут чередой...
Песни нашей старины

Тем же рабством и тоскою,
Той же жалобой полны...

(И будет вечен вольный труд..., 1988, с. 309–310)

В подобной эмоциональной тональности воссоздавали образ родины и многие поколения русских поэтов: он несет на себе печать вековой бедности и страданий народа, его тяжелой исторической доли и больших жизненных испытаний. Для большинства из них это не только и, возможно, даже не столько «разливы рек ее, подобные морям», «лесов безбрежных колыханье», «степей холодное молчанье», «чета белеющих берез» и т. д., но и «дрожащие огни печальных деревень» (М. Ю. Лермонтов), «строения без крыш, разрушенные стены, и та же грязь и вонь, и бедность и тоска» (И. С. Тургенев), «вид угрюмых людей, вид печальной земли» (А. М. Жемчужников), где «беда из века в век... и обижен человек» (К. Бальмонт) и «несчастье шлялось под окнами как нищий на заре» (И. Бабель) и т. д.

В соответствии с этим поэтическим образом родного края, который предстает со страниц отечественной лирики, и в русской прозе, особенно в реалистической литературе XIX в., активно развивается и даже становится преобладающей тема несчастной человеческой судьбы, духовных и физических страданий, тоски и надежды на лучшую жизнь. И эта тема встречает живейший отклик у самых разных слоев российского общества, оказываясь созвучной общему миро-

ощущению и настроению народа.

В свое время В. Г. Белинский писал о необыкновенной созвучности «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина общему мироощущению российской общественности и что она «сводила с ума всю публику» (Карамзин, 1988, с. 33). Написанная еще в конце XVIII в., эта книга повествовала о несчастной судьбе своих героев и, несмотря на незамысловатость сюжета и простоту изложения, на протяжении двух столетий вызывала неизменный интерес у всех поколений российских читателей.

Следует подчеркнуть, что «печально-страдательная» доминанта в судьбе многих героев русской прозы далека от трагизма шекспировских героев, поднятого до уровня мировых судеб и «кипения» земных страстей, и даже от драмы человеческого существования в произведениях многих европейских авторов. Это несколько другая, со своими «русскими» изломами и перегибами несчастливость и неустроенность личного бытия, неблагополучие «души томящейся и ищущей», одновременно открытой и глубоко ранимой, охваченной мучительными переживаниями «своего бессилия перед необходимостью» (Достоевский), со своей «вековой тоской» (Блок) и «великой печалию», занятой поисками истины и правды, вечно сомневающейся и в то же время доверчивой и ошибающейся.

Другими словами, это не столько трагизм поступков, действия, прямого героического дела, сколько «скрытый тра-

гизм бытия» (Н. Бердяев), «неудовлетворенность всем вообще существующим» (Е. Трубецкой) как временным, относительным и условным, трагизм неписанности в мировую гармонию, в универсальные духовно-нравственные законы жизни; и это скорее трагизм не на уровне рассудка, логики жизни и здравого смысла, а на уровне интуиции, внутренних ощущений и духовных разладов.

Конечно, вековая нищета и бедность «земли русской», о которых так много сказано и написано в отечественной литературе и поэзии, где, по выражению поэта, «жизнь стонет раньше, чем родится, и стоном пролагает путь» (И будет вечен вольный труд..., 1988, с. 300), не является каким-то «Божьим наказанием» или проявлением национальных особенностей русского народа. Никогда в сознании народа и тех, кто был «глашатаем» и «властителем» народных дум, не возникало ни в прошлом, ни в наши дни мысли о том, что Россия – проклятая страна, хотя о том, что несчастная, говорили многие. «Горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело» – передает это общее незлобивое настроение народа песня на стихи Н. А. Некрасова, в которой не чувствуется никакого упрека или озлобленности за свою несчастливую долю.

Это не вина, а скорее беда и даже, возможно, испытание на прочность духа народа, что в его исторической судьбе проявилась «злая волюшка»: неблагоприятный расклад и совпадение, прежде всего, целого ряда объективных факторов

и обстоятельств жизни. Главные из них хорошо известны: многие были выделены и проанализированы еще в работах дореволюционных русских историков и философов (Бердяев, 1990а, 1990б; Лосский, 1991; Соловьев, 1996; Трубецкой, 1994). Однако традиция такого широкого «многофакторного» исследования российской истории оборвалась, к сожалению, в советские годы как идеалистическая и ненаучная, а объяснительные возможности общественных наук, пытавшихся во всем увидеть лишь проявление законов классовой борьбы, взаимоотношений производительных сил и производственных отношений, были, по существу, весьма ограничены. Но эта тема выходит за рамки нашего исследования.

Важным представляется сам факт того, что объективно складывавшиеся для русского народа на протяжении столетий условия существования – исторические, территориально-географические, природные, хозяйственно-экономические и др. – не давали ему никаких оснований для довольства и безбедной жизни, способствовали формированию таких особенностей характера, системы ценностей и мироощущения, которые определяли его понимание и восприятие категорий счастья-несчастья. В частности, в свете этого факта становится понятным также и то, почему «земля русская» оказалась благодатной для восприятия и укоренения на ней христианской идеологии, для которой центр тяжести в земном существовании человека представляется смещенным в сторону несчастья и, по образному выражению В. Татарке-

вича, является скорее «долиной плача», чем «садом радости» (Татаркевич, 1981, с. 238).

Для русского исторического и культурологического сознания эта «долина» начинается со знаменитого плача Ярославны, жены плененного князя Игоря, у крепостных стен древнего города Путивля и через века простирается до другого, не менее впечатляющего по силе выраженной скорби плача нашей великой современницы и поэта А. Ахматовой, вынужденной уже в годы сталинских репрессий выстаивать с передачами очереди со своим «стомиллионным» народом у тюрем и собственными глазами видеть, как «безвинная корчится Русь» («Реквием»).

Следует отметить, что в русском православии акцентируется внимание на духовно-нравственных основаниях этого сдвига, развивается и обогащается христианская идея связи души и страдания: страдание наполняется глубоким духовным смыслом, начинает олицетворять подлинность человеческого бытия, истинность человеческой личности и ее счастья. И если прав Тертуллиан в своем утверждении о том, что человеческая душа по природе своей христианка, то, прежде всего, это справедливо в отношении души русского народа.

На протяжении веков разными путями и в разных формах развивается и укрепляется одна из самых основополагающих для русского сознания формула, которую гениально просто и очень сходно выразили А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов.

А. С. Пушкин: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» (Пушкин, 1977в, с.169). М. Ю. Лермонтов: «Я жить хочу! хочу печали. Любви и счастью назло» (Лермонтов, 1970, с. 141).

Эта общая формула духовных оснований жизни и человеческого счастья, выстраданная народом на протяжении его тысячелетнего существования и исторического опыта, определила, в свою очередь, глубокую укорененность в российском менталитете житейского правила, о котором говорил И. С. Тургенев: «Хочешь быть счастливым? Научись сперва страдать» (Тургенев, 1986 г, с. 171), ибо «не испытав его, нельзя понять и счастье» (Е. А. Баратынский). Не случайно свою любовь к родному, русскому В. Г. Белинский определил как страдальческое чувство (см.: Лосский, 1991, с. 358).

Своего высшего художественного воплощения тема «страдающей души» и связанные с ней идея и убежденность в том, что страдание есть проявление души, а следовательно, и самой жизни, что оно есть «святитель» и ее истинная основа, получили, как известно, в творчестве Ф. М. Достоевского, одного из самых глубоких исследователей «тайн человеческой личности» вообще, «русской души» в особенности.

В системе жизненных ценностей русского народа страданию придается благостный, просветляющий, нравственно-очищающий и духовно-возвышающий смысл: им определяются общая душевная отзывчивость человека, его способность воспринимать не только собственное, но и чужое горе,

проявлять сочувствие и сострадание к другим людям, готовность оказать им помощь в трудные минуты жизни. Именно эти чувства сострадания и сочувствия чаще всего выделяются в русском характере, относятся к наиболее выраженным чертам русского национального типа. «Сочувственником» назвал Н. М. Карамзин своего друга М. И. Кутузова в одном из писем к прославленному военачальнику. Вслед за Н. М. Карамзиным это слово быстро вошло в языковой обиход российской общественности второй половины XIX в. Однако в дальнейшем, не выдержав «давления» со стороны другого, близкого по смыслу, но уже ранее закрепившегося в русской речи слова «товарищ» стало встречаться все реже и практически вышло из употребления. К сожалению, и само слово «товарищ», такое привычное и дорогое для каждого русского человека, тщательно избегается в современной публичной, тем более официальной речи и рассматривается чуть ли не как пережиток нашего недавнего социалистического прошлого. Следует напомнить всем, предпочитающим называть себя сегодня респектабельным словом «господин» и стыдящимся обращения «товарищ», что слово это имеет глубокие русские традиции и российскую ментальность. «Нет ничего выше товарищества», – говорил еще в середине XIX в. Н. В. Гоголь.

Возвращаясь к вопросу о том, что значит для русского человека чувства сострадания и сочувствия, нельзя не упомянуть примечательную речь И. С. Тургенева, с которой уже

стареющий и умудренный опытом писатель обратился к московским студентам, выразившим ему глубокое признание и поклонение в связи с его чествованием в 1879 г.: «Я... горжусь и осчастливлен этим сочувствием,... это сочувствие есть высочайшая, единственная награда, после которой уже ничего не остается желать» (Тургенев, 1986а, с. 335).

Обостренное и повышенное внимание к печальным сторонам жизни в сознании и мировосприятии русского народа определили, в свою очередь, и весьма скромные позиции в них счастья и его составляющих. Счастье чаще всего воспринимается как мечта, как идеал: «счастья искали, счастья не нашли» (К. Бальмонт) – или в лучшем случае как отдельные мгновения и быстротечные эпизоды жизни – «радость короткая» (С. Есенин), которые трудно и невозможно удержать. Сознание как бы противится иллюзорности и мимолетности состояний мирского благополучия и переживаний радости: «Счастью не верь – а беды не пугайся», – по житейски мудро и по-доброму наставляет русская народная поговорка. Оно словно опасается возможных противоречий и «столкновений» с собственным нравственным чувством, которому эмоционально ближе и интуитивно понятнее как общая «мировая скорбь», так и печаль конкретной человеческой жизни.

В то же время сострадание в русском народе всегда соединялось с сорадованием. Это родные сестры одного большого сочувствующего сердца. «Где горе, там и радость», – гла-

сит русская народная пословица. И глубоко символично, что именно на русской, обделенной земле и в сердце именно русского поэта, впитавшего в себя «вековую скорбь» и неизбывную мечту людей о счастье, родился чарующий образ «рыцаря счастья». Этим поэтом был Н. С. Гумилев, с бескорыстной щедростью сердца готовый каждого сделать счастливым:

Как в этом мире дышится легко!
Скажите мне, кто жизнью недоволен,
Скажите, кто вздыхает глубоко, —
Я каждого счастливым сделать волен...

Пусть он придет! я должен рассказать,
Я должен рассказать опять и снова,
Как сладко жить, как сладко побеждать
Моря и девушек, врагов и слово...

(Гумилев, 1990, с. 391).

Не прагматический принцип «На тебе, боже, что нам негоже» руководит в данном случае желанием поэта, а нечто возвышенное и жертвенное: ценой собственной жизни или, как выражается он сам, – «к барьеру!», – он «волен», должен, нравственно обязан вдохнуть в других сладость жизни и радость победы, воодушевить каждого своей «прекрасной верой».

В гумилевском «Рыцаре счастья» сострадательность русской души раскрывается другой и, казалось бы, неожидан-

ной стороной: готовностью отдать, пожертвовать ради другого самым дорогим и ценным, чем обладаешь, – собственным счастьем, светом любви, радости и добра.

В этом рыцарском порыве – одаривать людей счастьем – Н. Гумилев продолжает духовные традиции своих великих предшественников, прежде всего, А. С. Пушкина. «Милость к падшим призывать» – ставил А. С. Пушкин себе, как известно, в заслугу, считая это делом всей своей жизни и творчества. Именно так – «милость» – в его эпоху называлось действие, дарующее другим счастье, удачу. И как бы переключаясь с А. С. Пушкиным и Н. С. Гумилевым, о том же самом просто и убедительно скажет уже в советское время поэт М. А. Светлов:

И если не радость и счастье,
То что же мне людям дарить?

(Светлов, 1983, с. 226).

В связи с проблемой нравственных оснований счастья обращает на себя внимание тот факт, что в рамках русского менталитета очень значимыми и актуальными оказались такие сложные и неоднозначные проблемы, как счастья и вины, морального права быть счастливым. Их суть выразил М. М. Пришвин, когда сказал: «Хотелось бы, чтобы счастье пришло как заслуга». И действительно, почему в жизни нередко случается так, что присутствуют, казалось бы, все внешние

атрибуты счастья, достигаются все поставленные цели, реализуются все возможные и невозможные желания, но счастливым человек, увы, не становится? И здесь многое объясняется нравственными максимами и устоями личности, внутренним голосом совести, покаяния и справедливости.

Уже Н. М. Карамзин в своей исторической повести «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» в заостренной форме и на конкретном материале российской истории поставил эту проблему, соединив между собой счастье и вину, которая им порождается. «Благоденствие Новгорода», когда «Россия бедствует – ее земля обгащается кровию, веси и грады опустели, люди, как звери, в лесах укрываются, отец ищет детей и не находит, вдовы и сироты просят милостыни на распутиях», – такой упрек городу делается со стороны россиян и он «в сей вине не может оправдаться». «Так, мы счастливы – и виновны, ибо дерзнули повиноваться законам своего блага», – обвиняют сами себя смелые и вольнолюбивые граждане Новгорода, понимая моральную неправомерность своего счастья и процветания (Карамзин, 1988, с. 181).

Подлинных высот своего национального осмысления проблема моральной правомерности счастья достигает у А. С. Пушкина в «Борисе Годунове». И снова рефреном звучит такое привычное для русского сознания утверждение «Счастья нет», но уже в устах самого могущественного на Руси человека – царя.

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе...
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет...
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.

(Пушкин, 1978, с. 207–208)

В рамках нравственного типа отношения к счастью, который веками формировался в недрах русского сознания и составляет привлекательную, ценную национальную черту нашего народа, ясно просматривается своеобразный механизм нравственно-этического неприятия собственного счастья. Он связан, прежде всего, с чувством внутренней неловкости и психологического дискомфорта из-за того, что многие другие люди несчастны и страдают, в то время как тебе хорошо и ты счастлив. «Я гляжу на нее, и мне стыдно, что я счастливее ее» – выражает А. П. Чехов это внутреннее душевное состояние человека, когда он видит, соперничает, но тем не менее реально не может облегчить страдания и боль другого (Чехов, 1985б, с. 309). Его нравственное чувство как бы тяготится собственным благополучием от сознания того, что кому-то в это время или рядом плохо и тяжело. Нередко такая рефлексия нравственного сознания

осуществляется бессознательно и возникает парадоксальное и труднообъяснимое состояние, когда ты как бы несчастлив своим счастьем.

На эти проявления нравственного сознания во всей противоречивости и сложности обратил внимание Н. А. Бердяев, занимаясь «самопознанием». Говоря о русских чертах своего мировосприятия, он, с присущим ему мастерством тонкого психолога и глубокого аналитика, не раз возвращался к мысли о том, что «всегда боялся счастливых, радостных минут», что именно в эти минуты «с особенной остротой вспоминал о мучительности жизни» (Бердяев, 1990а, с. 46).

* * *

В представлениях русских людей о счастье не могла не проявиться и еще одна их национальная черта, на которую обратил особое внимание Н. А. Бердяев, а еще раньше выразил А. С. Пушкин, когда что-то «родное» слышалось ему «в долгих песнях ямщика: то разгулье удалое, то сердечная тоска» (Пушкин, 1977б, с. 309). Имеется в виду крайняя «антинормичность» и «двойственность» русской души, удивительная способность русского характера объединять противоположное и взаимоисключающее, его «устремленность к крайнему и предельному», возможность быть удовлетворенным или самым большим или самым малым. Вот как образно выразил крайности восприятия счастья А. С. Пушкин:

Для счастья души, поверьте мне, друзья,
Иль слишком мало всех, иль одного довольно.

(Пушкин, 1978, с. 285)

Сам Н. А. Бердяев об этой «очень национально-русской черте» высказался в более общей форме, но также весьма поэтично: это когда «бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством» (Бердяев, 1990б, с. 11).

Правомерность приведенных слов Н. Бердяева убедительно подтверждается творчеством русских классиков и в особенности Ф. М. Достоевского, показавшего полярную раздвоенность России и русского человека. Как пишет Ю. Давыдов, анализируя литературное наследство писателя, два крайних человеческих типа предстают со страниц его произведений, которые олицетворяют два лика России, два образа русского народа. С одной стороны, это был образ закоренелого, нераскаявшегося преступника, такого, например, как Орлов или Газин, превратившего ремесло убийцы и насильника в некое достоинство, возвышающего его над обычными людьми, «человеческой серятиной». С другой – это был образ человека, избравшего жизнь «аскета в миру», посвятившего себя подвижническому служению людям, взывающих к человеческому участию, к своим трагедиям и страданиям. Такими были князь Мышкин и Алеша Карамазов (Культура.

Нравственность. Религия..., 1989, с. 50).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.